

Глава одиннадцатая

„БЕЛАЯ ДАМА“

Ван Берген и его организация были захвачены немцами, и хотя посты наблюдения, организованные Колло в Брюсселе, Намюре и Льеже, вместе с несколькими нашими независимыми постами все еще функционировали, нам нужно было возместить наши потери и увеличить число постов. Немцы продолжали производить аресты, и все агенты находились под постоянной угрозой расстрела.

Поэтому, когда наш пограничный агент направил ко мне одного эмиссара из Бельгии под вымышленным именем Сен-Ламбера, который сказал, что является представителем большой группы бельгийских патриотов, желающих организовать разведывательную службу на оккупированной территории, мой энтузиазм не знал границ. Итак, половина работы была сделана: мне нужно было только найти проводников, дать деньги и послать задания.

Он мне сообщил, что эта группа состоит из интеллигентов: учителей, людей свободных профессий, банкиров и нескольких дворян. Но Сен-Ламбер огорошил меня заявлением:

— Они ставят, однако, одно условие: зачислить их еще до начала работы на военную службу.

Я понимал это желание. Каждый агент в оккупированной зоне служил своей стране, подвергаясь даже большему риску, чем солдат на фронте: он стоял перед лицом опасности один, без барабанного боя, без всяких средств самозащиты. Но в данный момент удовлетворение этой просьбы казалось невозможным.

Как могло военное министерство превратить бельгийских подданных в британских солдат? Даже бельгийские власти не могли этого сделать, раз представлялось слишком опасным переслать через границу хотя бы список имен. И, главное, как могли они зачислить женщин, входивших в состав группы, на военную службу?

Я уклонился от ответа и спросил:

— Как это может быть сделано, по вашему мнению, и как может быть принесена присяга?

— Не знаю,—ответил он.—Военному министерству придется придумать формулу. Я получил инструкции обсудить этот вопрос с бельгийскими властями в Гавре, если не получу удовлетворительного ответа от вас.

Я знал, что если бельгийское военное командование и согласится на их предложение, то бельгийская секретная служба не сможет снабдить их безопасными средствами связи на границе. Я сомневался в том, что бельгийской секретной службе удавалось получать в этот период какие бы то ни было сведения из оккупированной зоны.

Я знал, что мы имеем шанс на создание такой организации, о какой всегда мечтали, но что мне придется дать обещание, которое я, может быть, не смогу сдержать или которое может поставить меня в очень неловкое положение. Я сказал Сен-Ламберу, что сообщу обо всем начальнику в Англии и что в течение одного—двух дней дам ему ответ.

Обращаться к властям было бесполезно. Я знал, что если даже военное министерство и захочет удовлетворить их просьбу, то для этого необходимо будет получить согласие бельгийского правительства, и что все эти переговоры заставят нас потерять много драгоценного времени.

На следующий день я со спокойной совестью сказал Сен-Ламберу, что их требование удовлетворено, и что он может написать об этом письмо, которое я берусь доставить по любому адресу в Льеже или Брюсселе.

Он написал такое письмо, дал мне два адреса и поехал в Гавр предложить свои услуги бельгийскому

правительству. Он сдержал данное мне слово и не говорил об этом ни с кем до окончания войны.

Моя первая почта заключала в себе письмо Сен-Дамбера, задание, указания по вопросу об организации и 500 фунтов стерлингов на предварительные расходы. Мы разрешили нашему курьеру самому договариваться с „почтовым ящиком“ относительно дня и часа прихода за донесениями.

Мы вскоре получили ответ, содержащий некоторые военные сведения и обещание организовать наблюдательные посты в Льеже, Намюре и Брюсселе. Нам также сообщали, что организация будет именоваться „Белая дама“¹.

Организация быстро расширялась. Почти каждую неделю прибавлялись новые наблюдательные посты, пока их число не дошло до сорока, охватывая все бельгийские узловые станции. Из таких центров, как Гент, Оденар, Ат, Мон и Арлон, мы получали не только донесения о наблюдении за движением поездов, но, так как эти пункты находились в зонах отдыха,—еще и номера полков, которые позволяли нам узнавать, какие именно дивизии приходили и уходили из данных районов.

В короткое время эта организация завербовала около двухсот агентов. Во главе ее стояли два руководителя: один—инженер, служивший раньше на бельгийской государственной службе, другой—профессор. Этим людям незачем было говорить, как приступить к организации. Они поняли важность организации службы в виде независимых и изолированных ячеек. Они изучали методы и работу германской тайной полиции и всегда были способны перехитрить ее.

После того, как Бельгия была охвачена „Белой дамой“ и другими нашими организациями, мы стали задумываться над тем, как бы проникнуть на оккупированную территорию Франции. В течение двух лет ни одна из служб союзников не получала до-

¹ По легенде—появление „Белой дамы“ должно было предвещать падение Гогенцоллернов. Это имя оказалось очень подходящим для названия организации, потому что она своей работой способствовала поражению германской армии и отречению кайзера (Автор).

несений из этой зоны. Нам очень хотелось организовать пост наблюдения за поездами на линии Ирзон—Мезьер—этой важной артерии, идущей параллельно германскому фронту, значение которой увеличивалось по мере усиления слухов о готовящемся большом наступлении немцев. В оккупированной Франции мы могли бы наблюдать не только за зонами отдыха, но и за районами, используемыми немцами для сосредоточения войск.

Наблюдая за линией Ирзон—Мезьер, по которой производилась переброска дивизий из одного сектора в другой, и располагая „фланерами“, сообщающими о сосредоточении войск в различных районах, мы могли бы определить, какой именно сектор выбран для наступления и, таким образом, получили бы жизненно важную для союзников информацию. Поэтому мы всячески понуждали „Белую даму“ проникнуть во Францию, но строгое наблюдение в этапном районе и, главным образом, вдоль франко-бельгийской границы сводило на-нет все попытки. В Бельгии обычная деловая жизнь продолжалась, несмотря на присутствие немцев; во Франции значительная часть гражданского населения была эвакуирована, и во многих местностях оставались только крестьяне, у которых не было никаких предлогов для передвижений даже на расстоянии двух или трех миль.

Однажды мы получили от „Белой дамы“ сообщение, что в доме одного из их агентов в Льеже скрывается молодой французский беженец; они просили нас помочь ему перебраться в Голландию. Мы были одновременно взбешены и встревожены. Мы им постоянно повторяли, чтобы они не имели никаких дел с беженцами, так как последние представляли собой опасность для нашей организации не только в Бельгии, но и в Голландии. Очень многие из беженцев, пытавшихся бежать, были пойманы; совершенно ясно, что легче было доставить через границу донесение, чем человека. Поэтому, если наши курьеры и проводники начнут регулярно переправлять беженцев, риск провала нашей организации увеличится в несколько раз. Помимо того, даже после благополучного прибытия в Голландию, эти люди оставались угрозой для нас,

так как, считая себя в безопасности, они неизменно начинали рассказывать о своем бегстве и кончали тем, что рассказывали это одному из многочисленных бельгийцев или нейтральных, состоящих на германской службе, которые специально занимались тем, что посещали круги беженцев.

Моим первым побуждением было отказать в этой просьбе. Но, подумав, я назначил свидание и попросил Орама послать за французом Шарля Виллекенса. У меня мелькнула мысль: может быть, я с помощью этого человека смогу создать новую организацию во Франции.

Фабри благополучно перебрался через электрический провод.

Это был двадцатилетний юноша среднего роста, атлетического сложения, с горящими энтузиазмом глазами. Он в нескольких словах рассказал мне свою историю. Фабри собирался стать священником и уже в течение некоторого времени был послушником но ему захотелось бежать из оккупированной территории, чтобы вступить в армию. В Льеже один иезуитский священник познакомил его с „Белой дамой“. Он знал об этой организации только то, что она располагала средствами связи с Голландией.

Убедить юного патриота вернуться в оккупированную Францию было нетрудно. Он, однако, настаивал на том, чтобы я получил особое разрешение от французских властей для того, чтобы он по возвращении мог показать его своему отцу—ветерану франко-прусской войны, который убеждал его бежать. Французский военный атташе в Гааге, генерал Бюкабей, охотно исполнил нашу просьбу.

Хотя мне и не хотелось связывать „Белую даму“ с организацией, которую мы теперь собирались создавать в оккупированной Франции, но у меня не было другого выхода. „Белая дама“ была единственной из наших организаций, охватившей оккупированную территорию до франко-бельгийской границы. Только она могла принимать донесения Фабри. Мне приходилось идти на риск, связанный с созданием крупных организаций, которых я до сих пор избегал.

Передав Фабри снова в руки верного и неустрашимого Шарля Виллекенса, мы отправили его обратно

в Льеж. Затем мы уже другим путем известили „Белую даму“ о желательности встречи с Фабри по старому адресу, подчеркивая необходимость полного молчания относительно организации „Белой дамы“. Ему следовало только указать адрес на франко-бельгийской границе, по которому он должен был посылать свои донесения и получать деньги для своей организации. Мы предлагали им организовать связь таким образом, чтобы аресты в организации Фабри не привели к провалу в их рядах. Затем мы просили их командировать какого-либо члена „Белой дамы“ для свидания с Фабри, последний должен был объяснить их представителю некоторые особенности работы „фланеров“.

Мы очень радовались этой возможности личного инструктирования, так как оказалось весьма трудно инструктировать „Белую даму“ в письменной форме относительно некоторых деталей требуемой информации. Мы показали Фабри карты фронта и „Коричневую книгу“, а также различные рисунки и диаграммы, иллюстрировавшие способы, которыми они должны пользоваться для определения различных частей, калибров орудий, категорий артиллерии и т. п. Мы показали, как важно определить хотя бы один полк, батарею или саперную роту, так как с помощью „Коричневой книги“, дававшей состав всех существующих германских дивизий, можно в большинстве случаев определить номер дивизии. С помощью карт театра военных действий мы также показали ему, как важно следить за перемещением каждой из германских дивизий.

„Белая дама“ хорошо выполняла свою задачу. Фабри вернулся в Ирзон, приступил к созданию организации, и вскоре к нам начали поступать первые донесения с важной артерии Ирзон—Мезьер. Мы снова получили поздравительную телеграмму от Главной квартиры, которую кодом передали на оккупированную территорию.

Мы располагали теперь тремя независимыми проходами на границе для связи с „Белой дамой“ и охраняли эти посты ночью и днем. Электрический провод, германские часовые и тайная полиция—вот враги, за

которыми мы наблюдали так хорошо, что могли бы передать донесения у них под носом. Нам приходилось на бельгийской границе использовать приграничных крестьян, культурный уровень которых был значительно ниже, чем у наших агентов в оккупированной зоне; немцы относились к ним с меньшим подозрением, и крестьяне, обрабатывая свою землю, имели возможность приближаться к проводу.

Организация „Белой дамы“ все расширялась. Она протягивала свои щупальцы по всей оккупированной территории Бельгии и Франции. Нужда в деньгах все возрастала. Наблюдателям за поездами и другим агентам приходилось работать дни и ночи, причем большая их часть была обременена семьями. Теперь мы одной только „Белой даме“ посылали через приграничных крестьян около 10 000 фунтов стерлингов ежемесячно, не считая тех сумм, которые мы платили отдельно проводникам и пограничным агентам.

Эти суммы посылались, главным образом, в кредитных билетах в 1 000 марок, но даже в таких крупных купюрах приходилось ежемесячно переправлять 200 билетов.

Опасность заключалась в искушении крестьян. Мы были полностью в их руках; если бы они решили удержать эти деньги у себя, то у нас не было никакой возможности их возместить. Они могли даже уверять нас в своей невинности, ссылаясь на других людей, через руки которых эти деньги должны были проходить. Но потеря денег была наименьшей неприятностью. Мы боялись другого: проводники, не получив вознаграждения, перестанут работать. Однако большая часть денег попадала по назначению, так как „Белая дама“ посылала нам каждый раз расписку в получении.

Наши три переправочных пункта через границу функционировали благополучно почти в течение года. Затем внезапно люди, обслуживавшие один из этих пунктов, были арестованы. По всей вероятности, они возбудили подозрение тем, что слишком часто приближались к проводу. Нам все же удалось своевременно предупредить „Белую даму“ о необходимости предотвращения встречи курьера с проводником, и так как личность курьера не была известна погра-

ничникам, дальнейших арестов не последовало. Немцы захватили последнюю пачку донесений, которая была приготовлена к отправке через границу. Это не грозило непосредственной опасностью „Белой даме“, так как все компрометирующие сообщения были кодированы, но большое количество донесений предупреждало немцев о существовании крупной организации, работающей на оккупированной территории, а это означало усиление наблюдения.

Самой большой неприятностью для нас было то, что большая часть денег посылалась именно через этот пункт передачи. „Белая дама“ немедленно предложила нам в ближайший период занять деньги на оккупированной территории у одного банкира, члена организации. Я разрешил им действовать. Таким образом они заняли 30 000 фунтов стерлингов до того, как мы снова смогли наладить регулярную посылку денег. Так же, как и в случае с милитаризацией „Белой дамы“, начальник в Лондоне помог мне после заключения мира выполнить и это обещание. Он перевел в 1919 г. деньги в Брюссель на мое имя, и я смог выдать чек на сумму, покрывавшую их долг полностью.

Было ли это следствием усилившегося наблюдения, результатом попадания донесений в руки немцев или же следствием небрежности одного из агентов, — не знаю, но на „Белую даму“ обрушилось бедствие.

Два брата, выполнявшие обязанности курьеров и обеспечивавшие связь между арлонской группой на юге Бельгии с льежской группой, были арестованы. По инструкции они должны были, проходя по одной из улиц Льежа, бросать свои донесения через полуоткрытое окно одного дома. В этом доме жила одна пожилая чета, прошедшая жизнь которой была известна и на которую можно было положиться. К этой чете был подослан агент „Белой дамы“, который, не открывая им своего имени и не сообщая ничего о характере донесений, уговорил их собирать донесения и передавать их ему два раза в неделю при его посещении. Этот „почтовый ящик“ не мог представлять собой опасности, благодаря системе регулярной контрразведки, которую вела „Белая дама“. Когда эти юноши

были схвачены германскими агентами, то „Белая дама“ сумела удержать своих агентов вдали от этого дома и предупредить арлонскую группу.

К сожалению, не было никакой возможности принять какие-либо шаги для спасения арестованных агентов. Оба брата были расстреляны в Льеже. После заключения мира я присутствовал на мессе по ним и был рад, что мог передать осиротевшим родителям британские ордена.

Это были единственные потери, понесенные „Белой дамой“, состоявшей из трехсот с лишним агентов и функционировавшей непрерывно в течение восемнадцати месяцев.

„Белой даме“ пришлось еще в одном случае быть на волосок от провала. На одной вилле в окрестностях Льежа три члена организации сидели в гостиной, подготавливая донесения для отправки в Голландию. Донесения были уже напечатаны на тонкой ткани и свернуты в маленькие трубочки, причем третий агент как раз запечатывал их, когда в комнату ворвались два агента германской тайной полиции для производства обыска. Тот, который держал драгоценные трубочки, успел засунуть их между сиденьем и спинкой своего кресла. Обыск ничего не обнаружил, и все трое были оставлены на свободе.

Причины, которые побуждали немцев делать обыски и аресты, были для меня всегда тайной. Я очень мечтал о том, чтобы посмотреть после заключения мира их архивы. Аресты всегда производились внезапно. Помимо собственной тайной полиции, немцы, несомненно, имели на своей службе множество бельгийцев-осведомителей, причем наши агенты больше всего опасались последних.

За несколько месяцев до большого германского наступления 1918 г. „Белая дама“ распространила свою организацию на валансьенский сектор оккупированной территории Франции. Здесь в 1915 г. функционировала старая служба союзников, но она потеряла связь с Голландией. Теперь она ожила и вскоре начала посылать нам донесения по наблюдению за поездами и донесения „фланеров“, имевшие для нас громадную ценность.

Последним достижением „Белой дамы“ была попытка установить с нами телефонную связь. Если бы не заключение мира, то эта мера была бы осуществлена. Это был бы триумф, венчающий и без того уже блестящие успехи этой превосходной организации. Один из ее начальников, профессор физики одного из бельгийских университетов, открыл, что в маастрихтском секторе бельгийско-голландской границы, в месте, где обе страны разграничены только рекой, наблюдение незначительное. В этом районе между двумя бельгийскими домиками можно было бы проложить под землей провод длиной в сто ярдов. С голландской стороны было расположено большое поместье, владелец которого симпатизировал бельгийцам и готов был разрешить установить на своей земле, вдали от любопытных глаз, вторую линию и аппарат.

Я знал, что эта установка будет хорошо работать, так как мы этим способом уже перехватывали германские сообщения на фронте, когда расстояние между нашими и германскими окопами было значительно больше, чем расстояние между предполагаемыми линиями. Кроме того, наши линии должны были идти параллельно — идеальное условие для перехватывания. Мы не теряли времени при разработке этого плана, и телефонные аппараты были уже посланы нам из Англии, когда наступило перемирие.

Несомненно, „Белая дама“ была самая лучшая из наших организаций на оккупированной территории. Посылаемые ими донесения имели чрезвычайную ценность для союзников. Поздравительные телеграммы Главной квартиры снова и снова подтверждали это. Накануне большого германского наступления в мае 1918 г. посты наблюдения „Белой дамы“ за поездами — числом свыше пятидесяти — сообщали нам обо всех передвижениях войск через все узловые станции в Бельгии и через ряд узловых станций в оккупированной Франции. Их „фланеры“ и, главным образом, „фланеры“ Фабри в районе Авэн, сообщали о сосредоточении войск в близлежащей местности, давая нам возможность опознавать дивизию за дивизией, по мере того как их подвозили и как они подходили с других секторов. Это служило бесспорным доказательством

того, что именно с этого сектора должно было начаться наступление.

„Белая дама“ была обязана своим успехом прежде всего гению обоих своих руководителей — профессора и инженера, затем дисциплине, которую удалось установить посредством милитаризации, и, наконец, блестящим качествам своих агентов, вышедших из рядов бельгийской интеллигенции. После заключения мира оба руководителя были награждены военными орденами Британской империи, и остальные агенты также получили значительные награды от британского правительства.

Глава двенадцатая

РУССКАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Я каждый вечер обедал в ресторане Зауера на Норд Блаак; это был самый лучший ресторан в Роттердаме и, хотя Виллем, толстый метрдотель, был по происхождению немец, все лучшее общество, включая британского генерального консула, посещало его.

Несколько раз я замечал красивую девушку с большими блестящими карими глазами, в собольем манто, в сопровождении человека лет тридцати, повидимому, ее брата. У него был очень представительный вид, он был высок и держался очень прямо, скорее всего это был офицер в штатском платье. Сначала я не обратил на них особого внимания. Однако, встречая их каждый вечер в течение недели, причем они всегда появлялись в одно и то же время и садились у одного и того же столика у окошка, я начал к ним присматриваться. Девушка возбудила мое любопытство, может быть, тем, что казалась заинтересованной мною и время от времени бросала беглые взгляды в мою сторону, когда ей казалось, что я не смотрю на нее. От метрдотеля я узнал, что они русские.

— По всей вероятности, беженцы, — сказал он.

Это было начало 1918 г.

Несколько дней спустя, сидя в электрическом поезде, мчавшем меня в Гаагу, я заметил эту девушку, пробиравшуюся в мой конец вагона. Когда она села против меня, я увидел, что она узнала меня. Не могло быть ничего более естественного, чем заговорить с ней. Я обратился к ней по-голландски, она ответила по-французски, а когда узнала, что я англичанин, то продолжала разговор на идеальном английском языке.

Да, она была русской. Она и ее брат бежали из Петрограда через Стокгольм и Лондон и прибыли в Голландию, так как у них здесь были друзья. Они пробыли в Роттердаме недели две; ей был противен этот город, здесь так скучно, но у ее брата были здесь дела, и она сопровождала его. Они переехали вчера в Гаагу. У них прелестная квартира на Принценграхт. Не зайду ли я к ним? Она была уверена, что ее брату было бы приятно познакомиться со мной. Он провел год в Кембридже. Два студента из Кембриджа, встречающиеся в Голландии, причем один из них англичанин, а другой русский. Какое совпадение! У нас должно быть много общего.

Мы обменялись визитными карточками. Я узнал, что моя собеседница — княжна С. Должен признаться, что этот титул произвел на меня впечатление, кроме того, она была очень красива. Я обещал зайти в конце недели.

Ее брат оказался прелестным человеком. Мы делились своими воспоминаниями о Кембридже, обсуждали достоинства лондонских клубов, нашли общих друзей. Они рассказывали мне о революции в России и о том, как им удалось бежать.

Все мое время было настолько заполнено работой, что я встречался с ними только один раз в неделю, урывая на это несколько часов от службы. Брат и сестра стали для меня Сергеем и Таней, и они тоже звали меня по имени.

Они всегда интересовались тем, что я делаю. Отчего я так занят? Отчего я не могу приходить чаще, чем раз в неделю? Они много раз спрашивали меня об этом. Я пытался отвечать шуткой, стараясь избежать лишних вопросов. Я не знал, что им все известно. Кроме того, я внушил необходимость молчания сотням своих агентов — это стало лозунгом службы, а для меня второй натурой.

Однажды вечером, после обычной болтовни, наступило неловкое молчание. Они смотрели друг на друга, словно каждый из них хотел, чтобы начал другой. Затем, наконец, Сергей заговорил:

— Знаете, нам известно, что вы делаете. Вы стоите во главе военного отдела британской секретной службы

в Голландии. Мы уже знаем давно, только боялись об этом говорить с вами. Все наши симпатии на стороне союзников, и поэтому мы решили, несмотря на то, что мы беженцы, продолжать вносить свою лепту в общее дело.

— Кто рассказал вам обо мне? — спросил я.

— Не будьте глупцом, об этом знают все, — сказала Таня улыбаясь.

К моему ужасу Сергей рассказал мне, что они встретили одно важное лицо в голландском военном министерстве и что за тридцать тысяч гульденов они смогут получить для меня копию мобилизационного плана голландской армии.

Я смотрел на них с отчаянием. Это значило, что мне следовало немедленно прекратить с ними знакомство, хотя я и мог объяснить им, что я нисколько не был заинтересован в получении сведений о Голландии. Необходимо было быть на чеку и подозревать ловушку. Если бы я продолжал поддерживать с ними отношения, они могли бы поймать меня тем или иным путем, например, передав мне при следующем свидании в присутствии свидетеля поддельные голландские планы, давая клятву в том, что я просил достать их. Я не знаю, были ли они невинны или их использовали, чтобы меня скомпрометировать. Но этого предложения было достаточно, чтобы разлучить нас. Я знал, что малейшее подозрение в шпионаже против Голландии означает для меня немедленную высылку, а для всех наших агентов — серьезные затруднения. Я предупреждал всех тех, кто работал со мной, немедленно прекращать всякое знакомство с людьми, делавшими им подобные предложения. И я сам должен был поступить по тому же принципу. У меня было слишком много поставлено на карту для того, чтобы я мог рисковать.

Я выразил им сожаление, что такая чудесная дружба пришла к концу. Я посоветовал, для собственной их пользы, не вмешиваться больше в это дело и ушел без дальнейших объяснений. Если бы я хотел, я бы мог донести на них голландским властям.

Их поступок мог быть объяснен двояко. Подобно большей части русских белогвардейцев, привыкших

в России жить в роскоши, они не смогли сократить свои расходы и вскоре растратили все, что у них было. Денег, полученных от продажи драгоценностей и мехов в ломбарде, не могло хватить надолго. Тогда они придумали этот способ добывания денег, считая, что помогают этим союзникам, но не учитывая трудности моего положения в Голландии.

Могло быть и так, что немцы завязали с ними связь, и они сознательно или бессознательно позволили расставить мне ловушку. После неприятного разговора, когда я принужден был уйти, я еще раз или два сталкивался с ними в Гааге. Они делали вид, что не знают меня.

Глава тринадцатая

БОРЬБА МЕЖДУ СЕКРЕТНЫМИ СЛУЖБАМИ В ГОЛЛАНДИИ

Я уже говорил, что голландцы считали нужным терпеть в своей стране присутствие секретных служб как союзников, так и немцев. Так как они могли, если бы захотели это сделать, в любую минуту обвинить нас в каком-либо прегрешении, то мы решили не давать им никакого повода к недовольству. Ввиду этого все наши агенты получили строгий наказ — не вести никакой разведывательной работы против Голландии и не вести ни с кем переговоров о приобретении или передаче каких бы то ни было сведений о Голландии.

Мы приобретали расположение различных должностных лиц, снабжая их сведениями о Германии, которые с какой-либо стороны касались их родины. Это повышало их шансы в глазах голландских властей, и так как они всячески стремились получать от нас подобные сведения, то представлялось совершенно естественным, что мы требовали и получали от них взамен сведения о немцах. Понятно, что это делалось без согласия голландского правительства: это был частный сговор между отдельными должностными лицами и нами. Однако мы не обманывали себя относительно поведения этих чиновников. Они просто служили своей родине, и мы сильно подозревали, что они, по всей вероятности, работают по той же системе с немцами. Все же мы были более чем удовлетворены. Мы получали ценную информацию и, что было еще важнее, мы обеспечили себе защиту наших агентов. Нам было достаточно трудно бороться с германской тайной полицией, но

было бы в десять раз хуже, если бы мне пришлось жить в Голландии в подполье и защищать наших агентов против голландцев.

Голландцы организовали два поста наблюдения за поездами на собственной границе — один в Керкраде, оповещающий о движении по линии Мюнхен—Гладбах, и другой — о движении через Велькенредт по линии Льеж—Гербесталь. Последний, однако, имел весьма малую ценность, так как эта линия проходила на таком расстоянии от голландской границы, что можно было различать кое-что только в самые ясные дни. Я никогда не мог понять, какую ценность могли иметь эти два изолированные поста для голландской разведывательной службы, но для нас, получавших копии их донесений, они были ценны, так как их данные подтверждали данные наших постов.

Еще большее значение имел для нас список адресов со всех писем, посылаемых из Голландии германским солдатам, находившимся на фронте. Регулярное получение этих адресов позволяло нам узнавать местонахождение полков, указанных в адресах, и часто давало нам номера новых полков или батарей. Без нашего бесценного справочника германских полевых почтовых станций эти адреса были бы для нас бесполезны. Но с его помощью такой адрес, как: „Фельдфебелю Карлу Мюллер, п.п. 55, полевая почта 68“, позволял нам определять местонахождение 55 пех. полка, так как мы могли найти сектор фронта, обслуживаемый полевой почтовой станцией № 68. Число адресов, сообщаемых нам ежедневно, было поразительно. Иногда оно доходило до двухсот—трехсот.

Однако самые ценные из всех получаемых нами в Голландии сведений были копии шифрованных телеграмм, посылавшихся германским посольством, консульствами и другими германскими службами. Точная их ценность была мне неизвестна, так как мы посылали их в Лондон для дешифровки.

Мы получали также ценную морскую информацию от голландских портовых властей, капитанов кораблей и рыбаков о замеченных ими минах или подлодках. Они также следили за германскими судами, интернированными в Антверпене.

Нейтралитет Голландии имел громадное значение для британской разведывательной службы, так как создавал базу, позволявшую нам посылать агентов в Германию и в оккупированные территории через „черный ход“.

В своей политике терпимого отношения к обеим сторонам голландцы предупреждали акты насилия между германской секретной службой и нами, которые, несомненно, имели бы место, если бы обеим службам приходилось скрываться в подполье. Мы бы произвели налет на штаб германской секретной службы в Роттердаме; они проделали бы то же самое по отношению к нам. По всей вероятности, мы прибегали бы к чикагским методам: каждая из служб знала курьеров другой службы и каждая знала, что они имели при себе донесения, бесценные для другой стороны; начальники или руководители каждой из служб были бы похищены и увезены в неприятельскую страну, где бы их заставили дать нужные сведения.

Вместо этого царило полное спокойствие. Наши коды оставались по ночам без охраны в обычных сейфах и являлись легкой добычей для любого взломщика. Наши курьеры ездили взад и вперед тоже без всякой охраны. Обе стороны пользовались слишком большим преимуществом, чтобы им рисковать.

Мне известно только о двух актах насилия: первый, когда немцы захватили двух французских агентов, Фукено и Крезано, на голландской территории, вблизи электрического провода, и увели их к себе на бельгийскую территорию, и второй случай, когда мы захватили предателя в британском посольстве в Гааге и отправили его в Англию.

Отношения между секретными службами союзников были далеко неналаженными. Перед лицом войны, когда на карту ставились будущее родины и жизнь миллионов людей, представляется невероятным, что в Голландии,—если исключить французов,—не только отсутствовало сотрудничество, но существовала прямая враждебность между секретными службами союзников и даже между секретной службой военного министерства и секретной службой британской Главной квартиры. Я не преувеличу, если скажу, что я гораздо

больше опасался вмешательства и помех со стороны других секретных служб союзников, чем любых предупредительных мер, принимаемых германской тайной полицией.

После перемирия я ликвидировал агентурные организации всех британских секретных служб, причем поддерживал тесный контакт с ликвидаторами французских агентурных организаций — Вивиеном и бельгийских — Вертоменом. Поэтому я могу с полным правом утверждать, что служба военного министерства, которой я руководил в течение последних двух лет войны, получала, по крайней мере, девяносто пять процентов всей информации, исходившей из оккупированных территорий Бельгии и северо-восточной Франции.

Когда бельгийская граница была относительно свободна, все остальные секретные службы проводили на этой оккупированной территории большую работу. Но с усилением германского наблюдения сообщение через границу стало настолько затруднительным, что только мои агенты располагали такими средствами и способами передачи или переправы через границу, на которые можно было полагаться.

Начальники бельгийской и британской секретных служб Главной квартиры, сидя в своих кабинетах во Франции, толкали своих агентов в Голландии к новым достижениям. Когда они видели, что их усилия остаются бесплодными, они начинали интриговать против нас, обвиняя в нежелании вести совместную работу, в монополизации всех возможностей передачи через границу и использовании лучших агентов в Голландии.

Я знал, что даже если бы мы и превысили наши полномочия, то они все равно не могли бы вести работу: их агентам нехватало необходимой дисциплины и организации. Затем, начальники должны были руководить на месте, зная и направляя каждый шаг своих агентов вместо того, чтобы делать это посредством переписки. Мне постоянно приходилось принимать внезапные решения, причем промедление хотя бы на один час могло означать потерю целой организации в Бельгии. Как можно было в таких условиях обращаться со срочными делами к людям, находившимся в другой стране, не имевшим часто ни малейшего по-

нятия о местных условиях, топографии, обычаях или языке, к людям, даже не знавшим пограничного агента, с которым приходилось иметь дело? Наконец, для того, чтобы извлечь максимум пользы из агентов, необходимо было, чтобы ими на месте руководил человек, обладающий познаниями в военном деле и точно знающий, какие именно сведения требовались союзному верховному командованию.

Доказательством этому может служить то, что, когда я в 1916 г. приехал в Голландию, британская секретная служба не имела ни одного агента на оккупированной территории и ни одного поста переправы через границу.

Больше всего хлопот причинил нам начальник бельгийской службы—майор Маж. Ему сообщили, что Орам и его брат, работающие с бельгийскими железнодорожниками, являются опорой нашей организации в Голландии. Он повел дело так, что обоих братьев призвали на военную службу во Франции. В течение двух лет мы посылали сотни телеграмм и писем, пуская в ход всевозможные средства, чтобы парализовать деятельность майора Мажа. В конце концов мы победили: к моменту перемирия оба молодых человека все еще оставались в нашем распоряжении. Но представители бельгийских властей в Голландии всеми способами клеймили нас за это и выставляли к позорному столбу.

В дополнение к этому было оказано давление на управление бельгийских железных дорог в целях призыва работавших у нас бельгийских железнодорожников на службу на железных дорогах за бельгийским фронтом. Отцу Орама, который до войны был одним из начальников управления бельгийских железных дорог, было объявлено порицание. Здесь снова нам пришлось прибегнуть ко всем испытанным средствам, чтобы сохранить наших людей. Бельгийская служба не имела никаких разумных оснований для подобных действий, так как работавшие у нас люди оказывали значительно большие услуги союзникам, работая для нас в Голландии, чем они оказали бы в качестве солдат в окопах или работая на железной дороге во Франции. Поэтому поступок бельгийской службы мог быть

вызван только завистью и досадой на то, что британская секретная служба, работая с бельгийскими агентами в Голландии, достает больше сведений из Бельгии, чем они.

Осуждая тактику майора Мажа, следует признать, что его работа серьезно тормозилась отсутствием средств. Агенты в Бельгии работали из патриотических побуждений либо без денежного вознаграждения, либо — в случае нужды — мы выплачивали им прожиточный минимум. Но агенты, ведавшие переправой через границу, были люди другого склада и предъявляли нам непомерные требования. Майор Маж, вероятно, думал, что если бы мы не удовлетворяли их требований, то он мог бы соперничать с нами. Однако я по опыту знал, что, если я не платил им тех денег, которые они требовали, они обращались к контрабанде, это было для них менее опасно и более выгодно. Так как мы не могли обойтись без этих людей, то мы удовлетворяли их требования. Дело было в результатах, а не в экономии или соглашении с другими секретными службами относительно вознаграждения за определенные услуги.

У меня не было особых столкновений с Жозэ или ван Тишеленом — бельгийцами, руководившими секретными службами Главной квартиры в Голландии. Но их начальники во Франции сильно осуждали нас за малую успешность их работы и направили свои стрелы против невинного Т., который не имел ничего общего с военной секцией британской секретной службы, за исключением того, что он выдавал мне деньги, которые я время от времени у него требовал. Были пущены в ход все средства, чтобы устранить Т., причем рассчитывали на то, что я займу его место. Но я всегда поддерживал его, так как знал, что у меня достаточно своих дел, и высоко ценил услуги, которые он оказывал, обеспечивая нам безопасность, борясь с другими секретными службами, помогая в ведении отчетности и организуя доставку донесений начальнику в Лондоне.

Русская организация была слаба, мала и недействительна. С ее стороны не приходилось опасаться каких-либо враждебных выступлений. Однако, предупре-

жденные нашим опытом с другими коллегами, мы сочли за благо предотвратить всякие возможные трения, оказывая им ту же услугу, какую мы оказывали Голландии. Мы передавали русскому военному атташе в Гааге, полковнику Майеру, копии всех донесений, представлявших какую-либо ценность для России.

С французами у нас создались превосходные отношения. Я не помню ни одного столкновения. Их начальник в Голландии, Лефевр, готов был очистить для нас поле деятельности. Его начальник при французской Главной квартире, полковник Вальнер, понимал положение, и ему мы обязаны тем, что он не заставлял своего местного представителя предпринимать опасные для нас шаги.

Глава четырнадцатая

ПОВСЕДНЕВНАЯ РАБОТА

Наше служебное помещение находилось на набережной р. Маас, благодаря чему напротив нас не было домов, из которых можно было бы наблюдать за входящими и выходящими и фотографировать их. Мы занимали целый этаж, и единственным нашим соседом была голландская морская фирма, принадлежавшая друзьям Т., которые были англофилы, а потому мы могли им доверять. Но на этом и кончались все премуущества.

По своей внутренней распланировке наше помещение было, несомненно, самым плохим из всех, какие могли быть выбраны для секретной службы. Весь этаж состоял из одного помещения, перегороженного на кабинеты и комнатухи тонкими деревянными перегородками, через которые было слышно каждое слово, если оно только не произносилось шопотом.

Такое положение создавало большое неудобство для работы и стоило нам большой трепки нервов. У меня сидели германские дезертиры или германские агенты, а на расстоянии нескольких футов от нас диктовались донесения — часть для отправки полковнику Оппенгейму, а остальные — для посылки дипломатической почтой в Лондон. В этих невероятных условиях нам приходилось либо вести опрос в письменной форме, передавая друг другу написанные вопросы и ответы, либо говорить шопотом. Единственный звук, достигавший внешнего мира, был стук пишущих машинок. Когда я хотел перебраться в другое помещение, Т. отговорил меня, сообщив, что голландские власти настаивают на том, чтобы все отделы

британской секретной службы находились под одной крышей, и нам пришлось покориться.

Все, что мне оставалось делать,—это позаботиться о звуконепроницаемости стен. Я пытался разрешить эту задачу, поставив с внутренней стороны деревянные перегородки на расстоянии шести дюймов от стен и наполнив образовавшееся пространство опилками, что, однако, дало очень небольшие результаты.

Неудивительно, что я рассматривал служебное помещение только как место для печатания донесений и для приема германских дезертиров и других лиц, приход которых к нам не мог нас скомпрометировать. Вся же работа по организации и встречи с нашими секретными агентами происходили в одном из трех домов в Роттердаме, которые я нанимал на короткий срок и постоянно менял. В тех случаях, когда требовались особые предосторожности, я ездил для встречи в Гаагу, Амстердам или в какой-либо другой город. Эти постоянные разъезды и передвижения были нужны не только для того, чтобы избежать наблюдения бдительных германских агентов, но являлись непременным условием осуществления изоляции моих агентов друг от друга.

Единственной неприятностью являлись попытки со стороны Т. или (что случалось гораздо чаще) властей в Англии заставить меня принять к себе на работу выбранных ими для меня помощников. Я испробовал нескольких из них и затем решительно отказался принимать новых помощников даже на испытание. Это неизменно были друзья или сыновья каких-либо влиятельных лиц, которые считали себя слишком важными для того, чтобы писать на машинке, и желали немедленно войти в соприкосновение с агентами или получить подробные сведения о нашей организации. Благодаря моей политике абсолютной секретности, их попытки были безуспешны.

Скоро моя политика блестяще оправдалась. Однажды Т. пришел ко мне и заявил:

— У меня имеется еще один парень из Англии. Не найдется ли у вас для него местечка? Мы оттолкнем от себя К., если будем продолжать отказываться от людей, которых он нам посылает. Этот Манен, кото-

рого они нам послали,—голландец. Я уверен, что он будет вам полезен.

— У меня было достаточно неприятностей с последними двумя, — ответил я. — Я больше не хочу пробовать.

Представьте себе мою досаду, когда я позже узнал, что Манен работает у полковника Оппенгейма, обрабатывая наши донесения и шифруя телеграммы для передачи Главной квартире. Т. знал, что шифровальщик Оппенгейма был завален работой и, чтобы сбить с рук Манена, сплавил его полковнику. Я был бессильен что-либо сделать и предоставил событиям идти своим порядком.

Три месяца спустя, Т. сообщил мне:

— Манен сидит арестованный в посольстве. Мы поймали его при передаче копий телеграмм немцам. Я пришел, чтобы предупредить вас, — сказал он в полном замешательстве.

Он был очень встревожен. Я успокоил его, объяснив, что ни в одном из посланных мной полковнику Оппенгейму донесений нет указаний на источники.

Чтобы заставить работать Манена на себя, немцы использовали свой обычный метод: они наблюдали за ним, пока не открыли его пороков. Тогда они начали его шантажировать. Манен принадлежал к одной из лучших семей в Голландии и, располагая большими средствами и досугом, приобрел дурные привычки: он стал игроком и гомосексуалистом. Немцы доставляли ему возможность предаваться этим порокам, а затем под угрозой огласки заставили делать лишние копии со всех документов, которые он печатал у полковника Оппенгейма, и передавать эти копии им.

Один из шифровальщиков заинтересовался судьбой лишних копий и заметил, что Манен берет их домой. Следившие за ним агенты нашей контрразведки увидели, как он передавал их германскому агенту. По возвращении в посольство он был арестован, и его заставили сознаться. Перед нами стояла трудная задача. Мы имели дело с голландским подданным, который не совершал никаких преступлений против голландских законов и которому стоило только выйти из британского посольства, чтобы очутиться на гол-

ландской почве. И все же нам нужно было вывезти его из Голландии, чтобы он не мог причинить нам в дальнейшем вреда.

Однако Манен, трус по натуре, был настолько напуган, что не оказывал ни малейшего сопротивления и был готов ехать, куда ему укажут. Он позволил отвезти себя на пароход, отправлявшийся в Англию. По прибытии на место он был помещен под стражу вплоть до перемирия.

Манен был последним помощником, которого мне послали из Лондона. После этого мне предоставили самому набирать себе сотрудников, как я это и делал с момента прибытия в Голландию.

У меня, кроме Коллинза, работало трое сотрудников. Они хорошо знали фламандский, голландский, французский, немецкий и английский языки, — что было весьма важно, так как все донесения должны были переводиться на английский язык. Самым важным, однако, было то, что они умели молчать и никогда ни о чем не спрашивали. Это были как раз те качества, которые мне не удалось найти в обоих помощниках, присланных из Лондона.

У нас не существовало определенного рабочего времени. Иногда, когда мы получали груду донесений, эти люди работали до полуночи, никогда не жалуясь.

Представьте себе волнение, с которым следишь за продвижением какой-нибудь дивизии с русского фронта на западный. По донесениям из Льежа, здесь прошло пятьдесят воинских поездов из Гербестала и Германии. Пост Льеж—Намюр доносит: никаких признаков перевозки войск. Наконец, из донесений поста Льеж—Брюссель мы узнаем, что все 50 поездов — в пути к Брюсселю. Из донесений четырех брюссельских постов мы видим, что дивизия — на пути к Генту. Однако гентские посты не дают никаких сведений о прибытии дивизии. Что случилось с дивизией? Очевидно, она выгрузилась. Донесения из Ваштебеке нам не только сообщают, что вся дивизия выгрузилась в этом пункте, но и указывают ее номер — 212. Раньше эта дивизия была на русском фронте.

Так было каждый день — сопоставление донесений всякого рода. Затем, в дополнение к этому, на Кол-

линзе и на мне лежала вся организационная работа на оккупированной территории: наблюдение за переходами через границу; переключение организаций при малейшем признаке опасности с одного пункта переправы через границу на другой; посылка денег и инструкций; посылка агентов; инструктирование проводников в случае переправы через границу скомпрометированных или скрывающихся в подполье агентов.

Помимо этого, нам приходилось посылать агентов в Германию и принимать донесения от агентов, вернувшихся из Германии, спешить на свидания с важным секретным агентом, опрашивать дезертиров.

К этой работе следует прибавить ответственность по защите жизни агентов. Я хранил их адреса и имена, как священную тайну. Никто не знал их, кроме Коллинза и меня, а многие из них были неизвестны даже ему. Сведения о них хранились у нас в голове или в зашифрованном виде в нашем сейфе. Все агенты, работавшие в Германии или на оккупированной территории, имели номера или вымышленные имена (клички). Настоящие имена и адреса не приводились ни в донесениях, получаемых мною из Германии или оккупированной территории, ни в перепечатанных на пишущей машинке донесениях, которые я передавал полковнику Оппенгейму для сообщения Главной квартире или Т. для отсылки дипломатической почтой.

Я был вполне прав, опуская все указания на источник в донесениях, отправляемых британским властям, не только потому, что не хотел, чтобы мой персонал знал их, но потому, что всегда существовала опасность просачивания. Доказательством этому может служить не только дело Манена, но и захват всех наших донесений, когда почтовое судно „Брюссель“, шедшее из Хуук в Гарвич, было остановлено германскими миноносцами. Когда из Англии от начальника пришла тревожная телеграмма, запрашивавшая, какие донесения находились в дипломатической почте, я мог с уверенностью ответить, что никакой катастрофы не произошло, так как, несмотря на то, что все донесения захвачены, безымянные осведомители остались в безопасности.

Глава пятнадцатая

„ДАТЧАНИН“ — РАЗВЕДЧИК СОЮЗНИКОВ

Я знал его, как „Датчанина“. Как его звали и откуда он был родом, я не знал, хотя и встречался с ним несколько раз. Он имел вид сдержанного, воспитанного, культурного скандинавца. Во всяком случае, ничто не изобличало в нем выдающегося разведчика, каким он на самом деле был. Когда я лучше узнал его, я понял, чем объясняется его успех. Он был высококвалифицированным инженером-кораблестроителем. Он не знал, что такое нервы, всегда оставался выдержанным, прекрасно владеющим собой. Ничто не ускользало от его компетентного глаза. Кроме того, он обладал поразительной памятью на мельчайшие детали морских сооружений.

Время от времени я читал его донесения и поражался им. По моему мнению, это был самый ценный агент, которым располагали союзники в Германии. Заслуга привлечения к работе такого агента принадлежит начальнику в Англии, по крайней мере, мне так кажется. Он был единственным агентом в Германии, которым располагал наш морской отдел. Его наблюдение охватывало все германские судостроительные верфи и все ангары цеппелинов. Я могу только дать самый общий обзор его деятельности, так как его донесения касались, главным образом, морских вопросов, обрабатывавшихся морским отделом. Но он оказывал выдающиеся услуги также и нашему военному отделу.

Причина его успеха заключалась в том, что он убедил немцев, будто он работает на них. В качестве

представителя датской судостроительной верфи, которая время от времени снабжала немцев буксирными пароходами и морским оборудованием, он пользовался правом ездить в Киль, Вильгельмсгафен, Гамбург, Бремен, Эмден, Любек, Флемсбург и другие кораблестроительные пункты. Он так умело вел дела своей фирмы, что последовал поток заказов, с которыми фирма не в силах была справиться. Его популярность у немецких клиентов и их вера в него были безграничны. Когда он в нужный момент обратился за разрешением проехать в Голландию через Германию, то ему охотно его выдали, особенно ввиду того, что он предложил германским властям приобрести в Голландии нужное сырье, а также буксирные пароходы и мелкие суда якобы для своей фирмы, но в действительности для Германии. Его покупки были столь удачны, что ему было разрешено регулярно, раз в три недели, ездить в Голландию.

Немцы не подозревали, что за удачные приобретения „Датчанина“ отвечали мы. Т., благодаря своим связям, давал ему ценные сведения о возможностях покупки материалов и буксирных пароходов. Британские власти могли протестовать против подобных торговых сделок, но наше невмешательство позволяло ему возвращаться в Германию и завоевывать расположение властей рассказами о том, как ему удалось скрыть свои покупки от англичан. Этим путем он стал важной персоной в глазах германских властей, а привозя незначительные подарки в виде предметов одежды, продуктов или предметов роскоши, которых в Германии нельзя было получить в то время, сумел приобрести расположение начальников судостроительных верфей и других должностных лиц.

Пользуясь своей необыкновенной памятью, он мог по приезде в Голландию сесть и подробно описать строящиеся и находящиеся в ремонте корабли и дать ценную морскую информацию, которая пользовалась абсолютным доверием адмиралтейства.

От него мы получали подробные технические данные о подлодках, которые немцы строили в короткие сроки. Мы знали количество строящихся и ремонтирующихся подлодок и, что было весьма важно,—

число пропавших подлодок. В борьбе союзников против подлодок при использовании глубинных авиабомб, мин и орудийного огня часто трудно было сказать, была ли подлодка потоплена или погрузилась по собственному желанию.

Задолго до того, как германская подлодка „Дейчланд“ была готова к своему путешествию в Америку, мы получили от „Датчанина“ ее подробное описание. От него мы узнали также о военных кораблях, замаскированных под пароходы торгового флота. Он сообщил о благополучном возвращении „Мёве“, когда мы думали, что она все еще находится в открытом море. Благодаря ему британское адмиралтейство получило точные сведения о германских потерях в сражении при Ютланде, а также подробнейший отчет о повреждениях, полученных некоторыми из тех кораблей, которым удалось вернуться.

Он следил за всеми ангарами цеппелинов. От него мы получали отчеты о повреждениях, нанесенных этим дирижаблям во время налетов их на Англию.

Самым сенсационным из его донесений было подробное описание сверхдальнобойных пушек, которые несколько месяцев спустя обстреливали Париж трехсотфунтовыми снарядами из леса Сен Гобен, находящегося на расстоянии 110—120 км. Мы получили от „Датчанина“ полный отчет об испытаниях этих пушек, производившихся на Гельголанде.

В дополнение к технической информации он общал нас ценные сведения о политическом и экономическом положении Германии. Так как он общался с высшими должностными лицами и военными кругами, то он осведомлял нас о точке зрения людей, знавших, что происходит на самом деле, а не людей с улицы, которым говорилось то, в чем их хотело уверить германское высшее командование.

Самым опасным моментом для „Датчанина“ были его встречи с нами. Но он никогда не имел при себе никаких компрометирующих документов — записок, списков, писем или специальной бумаги и чернил. Для встреч с ним мы пользовались теми же способами, какими мы пользовались для встреч со всеми агентами, работавшими на территории противника. Мы

располагали несколькими домами в Роттердаме и Гааге, которые мы постоянно меняли. Для того, чтобы добраться до них со службы, мы пользовались всевозможными приемами, чтобы убедиться в том, что за нами нет слежки. Поскольку возможно, мы всегда встречались с этими агентами вечером не только для того, чтобы их не узнали, но и для того, чтобы их не сфотографировали, на что немцы были большие мастера. Фотография человека, входящего в наш дом, являлась достаточной причиной в глазах немцев для немедленного расстрела.

Как только „Датчанин“ приезжал в Голландию, он вызывал нас по телефону, объявляя о своем приезде, и называл себя заранее условленным вымышленным именем. Мы назначали время встречи в одном из наших домов: А, Б, В или Г, адреса которых ему были известны. Этим способом устранялись опасности, могущие возникнуть в случае, если этот разговор был перехвачен. Одна из телефонисток на телефонной станции могла быть германским агентом, или же немцы могли устроить отвод линий и перехватить наши разговоры, как это делали мы до тех пор, пока один голландский линейный надсмотрщик не обнаружил этого.

По приходе к нам „Датчанин“ немедленно садился писать донесение. Он писал на немецком языке, и иногда это продолжалось три — четыре часа. Он давал точные сведения о всех германских судостроительных верфях, как-то: Блом и Фосс в Гамбурге, „Вулкан“ в Бредове близ Штеттина, верфи Шихау в Эльбинге и Данциге, фирма Везер в Бремене, верфи „Германия“, Данцигская верфь.

Когда я в первый раз увидел его пишущим донесение без всяких заметок, то у меня мелькнула мысль, что он выдумывает некоторые факты. Но после ряда произведенных нами проверок, подтвердивших достоверность сведений, переданных нам „Датчанином“, эти подозрения у меня рассеялись. Как только он кончал писать, донесение спешно доставлялось ко мне на службу, где оно переводилось, зашифровывалось и передавалось по телеграфу в Лондон. Обычно „Датчанин“ оставался в Голландии два—три дня для того, чтобы адмиралтейство могло прислать по телеграфу

какие-либо вопросы, возникшие в связи с донесением, или сообщить ему, что он должен узнать по возвращении в Германию.

„Датчанин“ продолжал работать до самого перемирия. Ему платили громадные деньги, значительно превышавшие те суммы, которые получали другие наши агенты.

Глава шестнадцатая

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА БЕРЕГОВОЙ ОБОРОНОЙ И РАДИОМИНОНОСЦАМИ

Базы германских подводных лодок и миноносцев были расположены в гаванях Остенде, Зеебрюгге и Бланкенберге, причем первые две были самыми важными, так как были соединены каналами с Брюгге, куда корабли небольших размеров могли скрыться в случае нападения союзников и где можно было собирать подводные лодки из частей, присланных из Германии. Понимая значение фландрского побережья, немцы делали все для его укрепления. Для этого они имели там батареи тяжелых пушек и большое количество самолетов, которые использовались также для налетов на Англию.

Наша обязанность заключалась в том, чтобы дополнить работу воздушной разведки, снабжая адмиралтейство всеми возможными сведениями относительно расположения различных береговых батарей и аэродромов. Мы располагали четырьмя источниками информации: разведчики, германские дезертиры, бельгийские беженцы и, наконец, непосредственное наблюдение. Голландская граница проходила всего на расстоянии семи миль от Зеебрюгге, и с помощью хорошей оптической трубы даже в туманный день можно было наблюдать за деятельностью немцев в этом маленьком искусственном порту.

В течение всего периода военных действий один из наших агентов ежедневно наблюдал в телескоп из Кадзанда—ближайшего пункта на голландской территории между Зеебрюгге и границей. Он сообщал о прибытии и отходе двадцати подводных лодок

и миноносцев, стоявших в Зеебрюгге и о деятельности минных заградителей и землечерпалок.

Ввиду того, что все батареи были тщательно замаскированы, расположение их могло быть определено нашим пограничным агентом только приближенно и то только тогда, когда они стреляли. Однако даже такие приблизительные сведения для нас были ценны, так как они позволяли проверять донесения беженцев и дезертиров, особенно последних, и указывали Главной квартире и адмиралтейству цели для воздушной разведки и последующей бомбардировки.

Самые ценные сведения о береговых батареях исходили от двух дезертиров из германского морского корпуса, занимавшего все годы войны берега Фландрии. Наш пограничный агент, находившийся вблизи Кадзанда, увидел их в тот момент, когда они переходили границу, и, вопреки инструкциям, сам доставил их ко мне в Роттердам. Опрашивая их в разных комнатах, я смог сопоставить все, что они говорили, и сравнить сообщенные ими сведения с теми, которые нам уже были известны. Их донесения были вполне правдоподобны. Они указали мне несколько новых батарей и, кроме того, дали ценную информацию относительно калибра пушек и их дальности. От них я впервые узнал немецкие наименования различных батарей, как, например: „Кайзер Вильгельм“, „Гебен“, „Дейчланд“, „Цецилия“, „Тирпитц“ и „Гинденбург“.

Но больше всего меня взволновало то, что один из них разъяснил тайну, которую нам давно хотелось узнать. Наш пограничный агент в Кадзанде несколько раз сообщал о маневрах гидропланов в Зеебрюгге, причем в этих маневрах участвовала быстроходная моторная лодка, в которой, как это ни странно, он ни разу не видел рулевого. Вначале я не обратил никакого внимания на эти донесения, приписывая это какой-то ошибке наблюдателя, но он так настаивал на том, что моторная лодка никем не управлялась, что в конце концов ему удалось убедить и меня в этом. Оба дезертира, словно сговорившись, заявили сначала, что ничего не знают об этом. Однако вид банковского билета в сто гульденов заставил одного из них заговорить.

— Что означали эти маневры моторных лодок и гидросамолетов в Зеебрюгге?—спросил я.

— Лодки управлялись по радио с гидросамолетов,— последовал ответ.

Затем я узнал от него, что моторные лодки имели в носовой части мины. Лодки были оборудованы обычными моторами и направлялись на цель по радио с гидросамолетов. Они предназначались для внезапного нападения на английские мониторы, которые периодически появлялись у побережья и обстреливали германские базы и батареи. Не теряя времени, я протелеграфировал эту новость в Лондон. Адмиралтейство запросило о дальнейшей информации. Несколько недель спустя, немцы использовали свои новые суда против мониторов, но, к их огорчению, нами своевременно были приняты меры, нейтрализовавшие их действия.

Вследствие того, что большая часть жителей покинула побережье либо из-за разрушения жилищ при бомбардировках с моря и воздуха, либо была эвакуирована немцами, в этой зоне оставалось очень мало бельгийцев. Поэтому было совершенно невозможно отправить туда разведчика, и нам приходилось довольствоваться донесениями бельгийских лодочников, плававших по каналам между Брюгге и Голландией. Когда мы получали эти сведения, они уже теряли свою актуальность, но так как большая часть береговых батарей была установлена на бетонном фундаменте и не могла менять своего места, то время не играло большой роли. Сведения о сооружениях береговой обороны собирались лодочниками от случайных беженцев с побережья, пробиравшихся в Брюгге.

Однако в донесениях лодочников нас больше всего интересовала деятельность немцев в самом Брюгге. В гавани могли стать на якорь около тридцати подводных лодок и такое же количество миноносцев. Нас интересовали данные не только о количестве кораблей противника в гавани, но и о количестве строящихся кораблей. Некоторые из них собирались из частей, присланных из Германии, другие строились на судостроительных верфях в Антверпене, из которых самыми важными были верфи Кокерелль.

Воздушная разведка, аэрофотосъемка, германские дезертиры, наши агенты-лодочники и непрерывное наблюдение Мореско, нашего пограничного агента в Кадзанде, обеспечивали адмиралтейству требуемую информацию.

Помимо наблюдения за Зеебрюгге, мы наблюдали и за Шельдой для того, чтобы воспрепятствовать пароходам, находившимся в Антверпене, проскользнуть в германские порты, где они могли быть переоборудованы для нападений на корабли союзников или использованы для других целей.

Поэтому, когда наш антверпенский агент сообщал, что на каком-нибудь пароходе, стоявшем праздно свыше двух лет, начинали разводить пары, мы, естественно, настораживались и немедленно доносили об этом в адмиралтейство.

Глава семнадцатая

КОНТРАЗВЕДКА

Попасть в Англию для гражданина нейтральной страны было делом не легким. Морякам нейтральных судов не разрешалось сходить на берег, и визы выдавались только тем гражданам нейтральных стран, чья благонадежность, прошлое и политические симпатии не вызывали подозрений. В каждой нейтральной стране существовала контрразведка, и многие лица были бы очень удивлены, увидев точные сведения, собранные о них до того, как им была дана виза.

Британская контрразведка, помещавшаяся в конторе Т. в Роттердаме и работавшая под руководством Мэтра, была типичным образцом подобной организации. Ни один голландец не мог получить визу без того, чтобы его заявление не было просмотрено де Мэтром. Имена подозревавшихся в сношениях с противником или в германофильстве подданных нейтральных стран были занесены в британский „черный список“, имевшийся во всех консульствах и у всех офицеров, ведавших паспортными делами. Включение в этот список означало автоматическое запрещение въезда в Англию.

Я не знаю, пользовались ли некоторые из граждан нейтральных стран дипломатической почтой, и выяснить это было почти невозможно. Однако мне известно, что Мата Хари подозревалась в этом. Эту опасность приходилось учитывать, но против нее мы были бессильны. По всей вероятности, дело происходило так, что какой-то гражданин „Смит“ имел приятеля в посольстве своей страны в Лондоне, которому он передавал письма для „Джонса“ — общего их при-

ятеля, оставшегося на родине. При вскрытии дипломатической почты находили это письмо и автоматически отправляли его по назначению. Эта же процедура могла иметь место и в обратном направлении. Мало вероятно, чтобы дипломатический представитель сознательно стал бы способствовать передаче донесений, но он мог сделать это, чтобы оказать одолжение красивой женщине или приятелю, который, несомненно, уверил его в том, что единственным мотивом его просьбы является желание избежать ознакомления чиновников британской цензуры с его личными делами.

В дополнение к этому агенты де Мэтра следили за всеми известными германскими агентами в Голландии. Наблюдая за их жизнью и встречами, мы часто получали ценные сведения о тех, кто передавал донесения немцам. Самыми лучшими агентами де Мэтра были старый Хаас и его племянница. Никому бы не пришло в голову подозревать этого старика или его простенькую племянницу в том, что они являются агентами английской службы. Они были столь бесцветны, что даже в маленьком обществе не могли привлечь к себе внимание. Кроме того, они хорошо знали языки, были умны, наблюдательны и обладали неограниченным терпением — качества бесценные для агентов контрразведки.

Наконец, наши контрразведывательные организации в нейтральных странах могли, по требованию начальника в Англии, проверить любого человека или получить о нем нужные сведения, как, например, выяснить адресата подозрительных писем.

Удивительно, как часто разведчик попадался на какой-нибудь мелочи. Я вспоминаю случай, когда британский цензор заинтересовался письмом, адресованным какому-то человеку в Голландии. Де Мэтр выяснил, что этот человек был германским разведчиком. В письме, которое, несомненно, было послано с указанием вымышленного адреса в Англии, было сказано, что в дальнейшем все письма должны направляться по номеру две тысячи с чем-то. Только две или три улицы в Лондоне имели столько домов. Предпринятое расследование быстро привело к аресту

германского агента, служившего „почтовым ящиком“.

В Голландии я, естественно, больше соприкасался с бельгийским отделом германской секретной службы, чем с каким-либо другим. Обязанность германской контрразведки в Бельгии заключалась в предупреждении там шпионажа. Я постоянно сталкивался с ней. Германская контрразведка работала совершенно отдельно от своей секретной службы, единственной функцией которой была посылка агентов в союзные страны и сбор присылаемых ими донесений.

Бельгийский отдел германской контрразведывательной службы, или тайная полиция, имел свой штаб на улице Берлемон в Брюсселе. Его агенты подстерегали нас на каждом шагу и заслужили наше уважение и восхищение. В начале войны руководителем службы был некто Берган, стоявший ранее во главе германской контрразведки в Дюссельдорфе. В его обязанности входило парализовать нашу деятельность и одновременно следить за несколькими миллионами жителей Бельгии. Как ни странно, но Берган не знал ни слова по-французски и в переговорах с бельгийцами должен был полагаться на своего помощника Пинкгоффа, работавшего во Франции еще до войны под видом мясника.

Германская секретная служба в Бельгии работала под руководством одной таинственной женщины, известной под именем „фрау Доктор“ и многими другими именами. Это была красивая, полная женщина средних лет, с твердым и жестоким характером. Из своего штаба в Антверпене она посылала агентов в Англию и во Францию. О ней рассказывали, что она собственноручно застрелила одного или двух агентов, обманувших ее.

Ее политика сводилась к запугиванию своих агентов настолько, чтобы они, опасаясь ее мести, не решались ей изменить. Большую часть сведений о ней мы получали от одного бельгийца, который в течение короткого времени работал у нее. Его донесение было одним из первых сообщений, прочитанных мною при поступлении на секретную службу.

Несмотря на усилия „фрау Доктор“ и берлинского штаба, из вопросников, которые мы находили у попавшихся время от времени в наши руки агентов, было ясно, что немцы получали очень мало сведений из Англии. В результате, они мало помалу сосредоточили свое внимание на России и, по всей вероятности, на Соединенных Штатах.

Глава восемнадцатая

ПОДГОТОВКА К ЛИКВИДАЦИИ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ

Война окончилась, но моя работа продолжалась. В разные стадии мировой войны англичане имели в Бельгии и в оккупированных областях Франции свыше 2000 агентов, из которых свыше 100 чел. было расстреляно и несколько сот заключено в тюрьму. Британское правительство не могло оставить этих людей на произвол судьбы: нужно было выплатить пенсии, компенсировать в какой-либо форме тех, кто был в тюрьме, наградить орденами и написать историю организации.

Я поехал в Льеж в штаб „Белой дамы“, самой крупной из секретных организаций союзников. В Льеже я направился по адресу, сообщенному мне устно Сен-Ламбером в Голландии. Когда я в форме британского офицера вошел в комнату, в которой собрались руководители „Белой дамы“, они встретили и приветствовали меня как своего старшего начальника. Я очутился перед группой людей со строгими, почти аскетическими лицами, причем все они были значительно старше меня. Трое из них были священники, остальные—преподаватели, инженеры, юристы и лица свободных профессий.

Я сразу понял, почему „Белая дама“ была такой активной организацией. В ней были собраны самые блестящие умы Бельгии, люди, живущие высокими идеалами патриотизма. Уважение, которое они проявляли к своим двум начальникам, и их добровольная дисциплина убедили меня в том, что для них

милитаризация—не фантазия, но совершенно реальная вещь.

Оба начальника произвели на меня неизгладимое впечатление. Первый из них в довоенное время был одним из главных инженеров крупного бельгийского предприятия, другой—профессор Льежского университета.

Я в кратких словах изложил свой план действий обоим начальникам. Они должны были представить мне подробную историю их организации, выявляющую роль каждого из ее членов; дать список всех членов; сообщить все данные о тех двух юношах, которые были расстреляны, для того, чтобы я мог выхлопотать у британского правительства пенсию для их семей, и, наконец, они должны были вручить мне заявление с указанием суммы, которую я разрешил им занять. Я не упомянул ни словом о милитаризации, которую так смело обещал, но когда кончил излагать им все требования по ликвидации, они немедленно привлекли меня к ответу. Я понял, что все, что мне оставалось сделать,—это сказать им правду. Она их так потрясла и привела в такой ужас, что я обещал сделать все возможное, чтобы заставить британские власти сдержать данное мной слово, так как все члены этой организации вступали в „Белую даму“ в качестве британских солдат и давали присягу.

Я выяснил, для какой цели они приняли основную предосторожность, поставив во главе организации двух начальников. „Белая дама“ состояла из двух независимых групп, настолько изолированных одна от другой, что только оба начальника знали об этом. Каждая группа имела не только своего начальника, но и отдельный „штаб“, в котором сосредоточивались и печатались донесения. Контакт имелся лишь при передаче сведений в Голландию, причем он выражался в том, что второй начальник лично передавал донесения первому. Если бы одна из групп провалилась, то ее начальник был единственным человеком, который мог бы погубить другую группу.

Во избежание крупных арестов „штабы“ были весьма хитроумно расположены. Тот, в котором был я, имел пять выходов: первый—на улицу; второй—

в садик, расположенный позади дома и сообщающийся с домом одного агента, выходящим на другую отдаленную улицу; третий—на крышу и, наконец, четвертый и пятый выходы, по одному в каждом этаже, ведущие через стенные шкафы, вид которых не возбуждал ни малейшего подозрения,—в соседний дом. В этом доме жили очень безобидные на вид пожилые супруги, которые в глазах соседей не имели никаких сношений с обитателями нашего дома. Эти чрезвычайные предосторожности были необходимы, так как в „штабах“ нельзя было избежать постоянного хождения взад и вперед. Здесь сосредоточивались донесения, печатались и готовились к отправке в Голландию.

Из Льежа 25 ноября 1918 г. я отправился в Брюссель на автомобиле, предоставленном мне „Белой дамой“.

По прибытии в Брюссель я обратился за помощью к руководителю местного отдела „Белой дамы“. К моему удивлению, это оказались две сестры—начальницы фешенебельной женской школы. Немцы никогда не могли бы заподозрить этих чопорных женщин, которых каждый день можно было увидеть на прогулке с ученицами в лесу, в каком-либо музее или раз в неделю в опере. Однако они знали все касающееся наблюдения за поездами и агентов—„фланеров“; два раза в неделю, когда пансионеры были уже в постели, они запечатывали для отправки в Льеж донесения, собранные верной служанкой во время закупки продуктов.

Выплата пенсий и пособий требовала больших денежных средств, и мне нужно было узнать, какие оправдательные документы требуются британским казначейством. Затем следовало учесть расходы по самой ликвидации (оплата помещения, персонала, перевозочных средств и т. д.). Наконец, мне нужно было выяснить, орденами каких категорий или классов я могу располагать для награждения особо отличившихся агентов.

Я поехал в Лондон к К. за указаниями и, как всегда, получил инструкции, предоставлявшие мне полную свободу действий.

— Только вы знаете, какие услуги оказал каждый агент,—сказал он,—и только вы можете оценить их. Британское правительство хочет удовлетворить все претензии. Узнайте, как велика пенсия, выдаваемая бельгийским правительством вдовам погибших солдат. Я советую вам назначить несколько большую сумму. Для тех, кто был в тюрьме и нуждается в помощи, назначьте сумму, которую вы считаете справедливой.

— Что касается ваших расходов по ликвидации,—продолжал он,—то я предложу главному казначею выдать вам аванс в 5000 фунтов стерлингов. Затем он внесет на ваш счет в банк Ллойда в Брюсселе суммы, соответствующие вашим расходам, подтвержденным представленной отчетностью. Что касается сумм на выдачу вознаграждений и пенсий, то по получении ваших заявок казначейством требуемые суммы будут переводиться на ваш счет. Для награждения особо выдающихся агентов вы можете рассчитывать на военный орден Британской империи от степени командора до медали. Что касается милитаризации „Белой дамы“, то я сделаю все, что от меня зависит, но я сильно сомневаюсь, что это нам удастся. Отноительно транспорта—я попрошу военное министерство о снабжении вас такими автомобилями, какие вам нужны.

Все мои заявки на ордена были удовлетворены, и все прошения и пенсии, включая 30 000 фунтов стерлингов „Белой дамы“, были оплачены без всяких разговоров.

Я немедленно приступил к работе по ликвидации. Моим помощником был назначен капитан Кетбилл—офицер регулярной армии, захваченный немцами в плен в 1914 г. и пробывший всю войну в лагере для военнопленных в Германии. Мы приступили к работе по собиранию требуемых данных, систематически прорабатывая одну организацию за другой. Некоторые из агентов приезжали в Брюссель, других мы доставляли в Льеж, где „Белая дама“ под моим наблюдением открыла бюро по сбору материалов.

Я скоро увидел, что большая часть вдов расстрелянных агентов крайне нуждалась в нашей помощи

и что небольшие пенсии не могли удовлетворить их первостепенных нужд. Только единовременные пособия могли помочь восстановить их благосостояние. Когда я сообщил эти соображения начальнику, то он после переговоров с казначейством ответил, что я могу перечислить пенсию в единовременное пособие для тех, кому это будет желательно. Таким образом всем было предоставлено право выбора, причем все сто пенсионеров взяли единовременное пособие. Это было очень разумно, так как при выплате в франках эти пенсии обратились бы в ничто в последовавший затем период инфляции.

Я полагаю, что 20 000 франков, полученные в среднем каждым пенсионером, были разумно использованы.

Вопрос о награждении орденами также представлял собой нелегкую задачу. Как оценить работу агента? Некоторые из агентов были приговорены к смерти, помилованы и провели затем несколько лет в тюрьме, причем многие из них были захвачены в самом начале своей деятельности, часто до того, как им удавалось послать хоть одно сколько-нибудь ценное донесение. Другие работали в течение двух—трех лет и давали нам ценные сведения. Человек, сидевший в тюрьме, считал, что он заслужил большую награду, чем его более удачливый товарищ. Затем, в Европе всегда существовала известная система градации при раздаче орденов. Так, например, посланник, генерал или сенатор, как правило, получал награду в соответствии с его чином. Если крестьянин оказал нам ценнейшие услуги, должен ли я был назначать ему награду меньшую, чем награда бывшему министру, давшему нам очень мало ценного материала?

Я пытался возложить ответственность на начальника, но он настоял на том, чтобы я действовал самостоятельно и полагался на собственное суждение. Хотя в Англии ордена ценятся очень высоко, но не так, как во Франции и Бельгии, где ленточка в петлице означает все. Прежде всего, я хотел быть справедливым к каждому агенту, но я знал, что каждая моя заявка будет подвергнута строжайшей критике, поэтому каждую из тысячи заявок надо было тща-

тельно взвесить. Кетбилл и я часами обсуждали заслуги отдельных агентов. Он был приверженцем формального подхода, я же, зная, какие услуги оказывал каждый агент, был склонен пренебречь общественным положением и чином.

Помимо тяжелой задачи по ликвидации, мне приходилось выполнять множество других обязанностей. Многие агенты приглашали меня к себе и я, не желая их обидеть, принимал эти приглашения.

В Намюре мне пришлось выступить перед пятьюстами агентами, которые хотели услышать из моих уст оценку их заслуг перед союзниками. Это была очень трудная задача, так как в большинстве случаев я мог только обобщать, а их же интересовал результат каждого отдельно выполненного задания. Они не знали, что как бы ни были ценны сведения, доставляемые секретной службой, они попадали в общий поток информации и направлялись в Главную квартиру. Каждый из нас в отдельности собирал сведения, но они сливались со сведениями, полученными воздушной разведкой, из опроса пленных, захваченных документов и т. д.

В северо-восточной Франции мне пришлось произнести надгробную речь над могилами двух агентов, тела которых были перенесены с тюремного кладбища. Эта церемония происходила в присутствии отряда французской пехоты под командованием двух офицеров и произвела на всех глубокое впечатление. Звучала траурная музыка, над могилами был дан залп, и родным и крестьянам округа, в котором жили расстрелянные агенты, были вручены французские и британские ордена — посмертная награда погибшим.

Я присутствовал на всех заупокойных мессах в Бельгии, которые были отслужены по бельгийским поданным, погибшим на британской службе.

Как только работа по ликвидации наладилась, я занялся вопросом милитаризации „Белой дамы“, для чего повел атаку одновременно в Лондоне и Брюсселе.

На основании обещания, данного „Белой даме“, и подтверждения того, что именно на этой базе и происходила вербовка новых членов, начальник в Лондоне в конце концов добился согласия британского воен-

ного министерства. Однако для получения санкции бельгийского правительства понадобились месяцы. „Белая дама“, имевшая среди своих членов много влиятельных лиц, вела непрерывную кампанию во всех направлениях, в то время как британское военное министерство вело официальные переговоры с бельгийским правительством. Я лично представлял это дело двум премьер-министрам, но ничего не добился. Я обратился также к барону де Брокевиллю и обеспечил себе активную поддержку двух влиятельных членов бельгийского сената — маркиза Империаля и сенатора Колло. Я даже убедил британского посла, сэра Френсиса Вилье, начать неофициальные переговоры с бельгийским правительством. Мы обратились также к королю через его личного секретаря Джеральда и через графа де Мерод, камергера двора.

К этому делу были привлечены и мои личные друзья, работавшие в разных министерствах.

Проходили недели... Я был готов отложить это дело как безнадежное, когда внезапно услышал, что в результате переговоров, которые К. вел через британское посольство в Париже, французское правительство согласилось признать французскими солдатами всех своих граждан, работавших на британской разведывательной службе. Мы снова принялись осаждать бельгийские официальные инстанции, используя аргумент французского прецедента. Наконец, к моему большому облегчению и к радости „Белой дамы“ бельгийское правительство дало свою санкцию и распространило милитаризацию на всех без исключения бельгийских подданных, которые работали в различных секретных службах союзников в течение войны. Все они были признаны солдатами мировой войны.

Сразу же после официального согласия на милитаризацию наших агентов я получил извещение от К., что все мои заявки на награды рассмотрены и удовлетворены и что генерал Суэйтс, начальник разведывательного отдела военного министерства, сам везет нам знаки отличия. Мне следовало организовать официальную раздачу наград.

Самым подходящим человеком для этого дела был Адольф Макс, уважаемый бургомистр Брюсселя. Он

любезно согласился присутствовать на церемонии и разрешил использовать для этой цели одну из самых больших зал здания городской думы.

В зале собралось более тысячи агентов, сопровождаемых друзьями и родственниками, приехавшими из всех уголков Бельгии, чтобы присутствовать на этом торжестве. На эстраде, помимо бургомистра, генерала Суэйтса и меня, было еще много британских и бельгийских офицеров в полной форме. Бургомистр приветствовал собравшихся, и затем агент за агентом поднимались на эстраду для получения награды от генерала Суэйтса.

Церемония была омрачена только одним инцидентом. Один недовольный агент отказался от ордена, так как, отбыв продолжительный срок тюремного заключения после смертного приговора и помилования, он считал, что имеет право на максимальную награду, хотя и был арестован до того, как ему удалось послать нам хотя бы одно донесение.

Наши французские агенты получали свои награды в Лилле. Тысячи народа заполнили „Большую площадь“, наблюдая за церемонией. Раздача наград происходила в присутствии батальона пехоты, выстроенного в ряд, и носила характер торжественной военной церемонии. Префект пожимал руку каждому из агентов, поднимавшемуся на эстраду за своей наградой, и поздравлял его.

Это военное признание, которое в противоположность бельгийцам так охотно было дано французами, доставило агентам громадное удовлетворение.

Вернувшись из Лилля в Брюссель, я был встречен обоими руководителями „Белой дамы“, которые по поручению своей организации вручили мне разукрашенный адрес в благодарность за мои услуги. Под гербом каждой из бельгийских провинций была подпись главы организации данной области.

На этом закончилась моя официальная связь со всеми секретными работниками Бельгии и Франции, так доблестно и хорошо послужившими делу союзников.

Глава девятнадцатая

РАБОТА В ПАСПОРТНОМ БЮРО В ГЕРМАНИИ

В Лондоне начальник сообщил мне, что в награду за хорошо проведенную секретную работу в Голландии меня назначили на самый интересный пост — в Берлин. Там я должен был организовать паспортный отдел и руководить им. С этой целью меня прикомандировали к штату лорда Кильмарнока в качестве начальника паспортного отдела Германии, имеющего филиалы в Гамбурге и Мюнхене. Хотя лорд Кильмарнок приступит к исполнению своих обязанностей только через несколько недель, я должен был отправиться в Берлин немедленно и поступить в распоряжение главы британской миссии генерала Малькольма. Наконец, начальник направил меня в министерство внутренних дел за получением инструкций по вопросу о выдаче виз.

В министерстве внутренних дел мне сказали, что ни при каких обстоятельствах нельзя давать визы кому бы то ни было из немцев, которые попытаются искать работу в Англии. Что касается других лиц, то я должен был возможно тщательнее проверять их, пересылая министерству на окончательное рассмотрение и санкцию заявления тех, благонамеренность которых подтвердилась расследованием. Мне показали множество формуляров и печатей, объяснили, как надо ими пользоваться, и уверили, что запас этих вещей ожидает меня в британской миссии.

По прибытии в Берлин я отправился в отель „Бристоль“, в котором останавливался в довоенное время,

но оказалось, что получить там комнату невозможно. Получив комнату во временное распоряжение, я отправился в британскую миссию на свидание с генералом Малькольмом.

Он познакомил меня с двумя своими сотрудниками — капитаном Брин, проводившим большую часть войны в германском концентрационном лагере, и графом де Сэлис — сыном британского посланника при Ватикане. Я провел с ними остаток дня, ориентируясь в обстановке. Особенно полезным оказался Брин. Он был хорошо знаком с политическим положением Германии и являлся правой рукой генерала Малькольма.

Когда я заговорил о квартире, то узнал, что раньше, чем искать комнату в гостинице, нужно было получить ордер в министерстве иностранных дел, так как Берлин был переполнен не только офицерами различных военных миссий союзников и контрольных комиссий, но и приехавшими из провинций немцами. На следующий день, получив ордер, я устроился в отеле „Эспланада“ на Потсдамской площади, одной из новейших и лучших гостиниц Берлина.

В течение нескольких дней я ориентировался в обстановке. Затем, вооруженный формулярами и печатями, я стал ожидать желающих получить визу. Вначале был большой наплыв посетителей, работавших в Англии в довоенное время, но, как только стало известно, что посетители этой категории виз не получают, число их значительно уменьшилось. Время от времени я, после надлежащего обследования, отправлял прошения о визах в Лондон на утверждение министерства внутренних дел, но вскоре увидел, что утверждались весьма немногие.

Когда работа бюро паспортов наладилась, я обратился к изучению деятельности секретной службы. Я сразу же увидел, что здесь происходило то же самое, что в Голландии, и даже несколько хуже, так как тут было больше соперничества и параллельной работы. Каждый сотрудник многочисленных союзных миссий писал донесения, общий смысл которых сводился к тому, что все остальные мешают той важной работе, которую делает автор донесения. Однако никакой необходимости в соперничестве или реальных

оснований для раздражения не было: для получения информации не требовалось никакой хитрости — нужно было только пойти и спросить. Я испытал это сам в течение нескольких свиданий с высокопоставленными сотрудниками германского министерства иностранных дел. Они чувствовали себя беспомощными, беззащитными и униженными до такой степени, когда всякая секретность и даже сдержанность кажется бесполезной.

Вскоре после приезда, убедившись в том, что моя работа в Берлине не представляет мне достаточно обширного поля деятельности, я послал прошение об отставке и демобилизации. Моя просьба была удовлетворена.

Вместо меня чиновником для контроля паспортов был назначен капитан Фолэй, а секретной работой руководил другой мой приятель.

Глава двадцатая

СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА МИРНОГО ВРЕМЕНИ

Секретная служба мирного времени сильно отличается от разведки военного времени. Мирное время не знает затруднений со связью, представляющих собой основную проблему военного времени. Курьеры, „почтовые ящики“, переходы через границу и большие организации, функционирующие по методу цепи,— больше не нужны. Агент большей частью работает один, имея непосредственную связь только с посредником из „штаба“, который, обычно, находится не в той стране, где протекает деятельность агента, и не в той, которая является его родиной. Это делается для того, чтобы в случае ареста не существовало прямых указаний на страну, для которой работает агент. Очень часто агент получает инструкции от посредника, не зная, для какой страны он работает. Если он это узнает и при аресте выдаст эту тайну, то от него, понятно, всячески отрекаются.

Характер требуемой информации большей частью тоже совершенно иной. Передвижение войск и номера частей, столь важные во время войны, теперь не имеют особого значения. Обычно агенту ставится определенная задача: например, получение чертежа или описания какого-либо нового пулемета, танка или самолета; выяснение точного числа строящихся подводных лодок, формулы нового ОВ, планов мобилизации, подробностей секретного договора или правительственных планов по какому-либо важному политическому вопросу и т. д. В каждом случае он должен быть основательно знаком с вопросом для того, чтобы его информация имела известную ценность.

Время не имеет больше решающего значения. Агент может приступить к своей работе методично, и иногда проходят месяцы, прежде чем ему удастся подготовить почву для получения информации или для самостоятельного ее добывания. Главное внимание обращено на качество информации, а не на быстроту. Я знаю случай, когда агент в течение нескольких недель с громадным риском для себя копировал код, который он мог украсть в несколько минут. Дело в том, что непосредственная кража, как бы ловка она ни была, не достигла бы своей цели. Полученный таким образом материал мог бы быть полезным при дешифровке одного сообщения, но и только. Как только исчезновение кода было бы замечено его владельцем, вся система кода была бы немедленно заменена новой.

Часто разведчики добывают от предателя, прельщенного деньгами, то, что им нужно, или же получают требуемые данные благодаря болтливости ничего не подозревающего служащего или государственного чиновника, с которыми они беседуют. Прежде всего хороший разведчик должен прекрасно знать человеческую природу и, главным образом, ее слабые стороны, которыми он должен уметь пользоваться.

Многие люди предавали свою родину бессознательно, когда их осторожно втягивал в беседу какой-нибудь знакомый, которому они доверяли и никогда не стали бы подозревать в шпионаже. Иногда оказывалось известное воздействие на их тщеславие, и они сообщали ряд интересных данных, чтобы подчеркнуть важность своего положения или с целью придать себе интерес. Если они и не сообщали всех данных, специалист мог заполнить пробелы информацией, полученной из другого источника. В том случае, когда требуется соблазнить лиц, располагающих нужными сведениями, хороший разведчик никогда не идет на прямой подкуп. Если он определенно знает, что его жертва располагает важными для него сведениями, он, пользуясь методами казуистики и обольщения, которыми он должен мастерски владеть, доводит ее до того, что она сама предлагает ему эту сделку. Так, например, он по какому-либо случаю говорит,

что его большой друг А. живет в стране Б. Несколько дней спустя, он мимоходом замечает, что страна Б. заплатила бы что угодно за информацию, которой располагает его жертва.

Если его все же просят быть посредником, он приходит в ужас: „Я не могу вмешиваться в такие дела. Будьте осторожны, старина. Конечно, если вы хотите прокатиться за границу, то вы можете зайти к А. Я дам вам его адрес. Скажите ему, что вы мой приятель. Он будет в восторге познакомиться с вами“. Таким образом, не компрометируя себя, он посылает жертву по этому пути. Даже если жертва не едет к А., все же теперь известно, что сделка может быть совершена, и к ней подсылают другого агента, приезжающего с этой целью из-за границы и личность которого неизвестна. Если агент захвачен, то он обычно заявляет, что ничего не знает, что эти расспросы вызваны личной любознательностью и что он себе не представлял, что они могут показаться подозрительными.

Иногда разведчик может воспользоваться чьей-либо личной нескромностью, и в этих случаях он прибегает к шантажу. Этот метод никогда не используется англичанами, но немцы прослыли в нем мастерами. Путем постоянного наблюдения и посещения „зачных“ мест они трудолюбиво составили список лиц, находящихся на государственной службе и подверженных тому или иному пороку. Затем систематически опутывали тех, кого они хотели использовать, как это было в случае с Маненом. Они широко пользовались страстью к игре и, когда ценность информации оправдывала эти издержки, пускали в ход трюк с красивой женщиной и мужчиной-сообщником, используемый в романах о секретной службе. В Монте-Карло или в каком-либо другом курорте, в котором процветает игра, обольстительная женщина заставляет свою жертву терять крупные суммы за зелеными столами, а затем знакомит его с человеком, одалживающим ему деньги, с помощью которых он тщетно пытается вернуть свое состояние. По мере того, как проигрыши и одалживаемые суммы растут, человек оказывается в полной власти этой пары. На это дело требуются

большие расходы, так как займы не имеют никакой ценности, если не достигают крупных сумм, и далеко не всегда дают нужный результат. В противоположность общему представлению секретная служба мирного времени не располагает неограниченными фондами. Она получает определенную сумму и расходует ее осмотрительно, нисколько не желая выбрасывать деньги, когда нет полной уверенности в том, что эти расходы окупятся.

Существует ошибочное представление, что все сведения получаются через посредство секретной службы. Иногда они покупаются у некоей международной организации, которая занимается тем, что продает одну и ту же информацию различным странам. Как правило, подобные организации имеют свой штаб в Швейцарии и работают под руководством профессиональных шпионов, получивших свой опыт в одной из секретных служб. Таким образом часть сведений получается из источников, чуждых какой-либо системе разведки.

Хотя посольства и консульства и являются средствами связи между странами и выполняют ряд других функций, как, например, защита интересов торгового флота своей родины, выдача паспортов и поддержка торговых отношений, все же они представляют собой глаза и уши своей родины в чужих странах.

Дебаты в законодательных палатах, официальные сообщения государственных ведомств, официальные статистические ведомости и, наконец, газеты и журналы дают иностранным государствам массу сведений, которые тщательно исследуются и классифицируются.

Наконец, некоторые из самых важных сведений — копии секретных договоров, чертежи военных кораблей и другого военного снаряжения, а также другие секретные данные и документы — часто продавались непосредственно официальным представителям иностранных государств предателями, боявшимися доверить свою тайну обычному агенту. Ни одна страна еще не отказывалась от сведений, имеющих для нее жизненно важное значение. Официальное лицо может отказаться принять информацию или не разговаривать на эту тему, но в этом случае немедленно создается

связь с секретной службой, и дело идет дальше неофициальным путем. После того, как подобная информация дана, информатор, как правило, из опасения или под угрозой выдачи вынужден давать сведения и в дальнейшем, пока не становится шпионом, оплачиваемым данной страной. Если подобный человек работает в каком-либо государственном ведомстве, то он является весьма ценным агентом.

Дипломаты и служащие консульств должны остерегаться и не проявлять излишней доверчивости, иначе может случиться, что они передадут секретной службе материалы, не имеющие ни малейшей ценности. Иногда фальшивые сведения или документы предлагаются мошенником, работающим для собственной выгоды, иногда подобные документы предлагаются намеренно агентом в целях поставить другую страну в неловкое положение или дать ложную информацию. *Так, например, нескольким государствам предлагались фальшивые документы весьма компрометирующего характера, якобы выкраденные. Однако позже стало известно, что предлагавший их агент состоит на жаловании у одной из многочисленных белогвардейских организаций, пытающихся дискредитировать большевиков* (Курсив наш — Ред.).

Главная ценность секретной службы состоит не в количестве добываемой ею информации, но в тех средствах, которыми она пользуется для добывания специфической информации. Страна X имеет новое военное снаряжение, подробное описание которого важно иметь стране Y. Страна Y не может сидеть и ждать, пока случай принесет ей нужные сведения; она поручает секретной службе добыть их.

Диверсионные действия также направляются секретной службой. Их планы часто разрабатываются в мирное время в целях возможности немедленного осуществления по объявлении войны до того, как противником могут быть приняты какие-либо защитные мероприятия. Взрывы каналов, оборонительных сооружений и заводов, изготовляющих военное снаряжение, и т. д. являются главной целью. В будущем возможна работа разведчиков по распространению бактериологических средств и заражению ОВ.

Во время войны главной обязанностью секретной службы является добывание информации и, поскольку возможно, защита жизни своих агентов. Союзники нисколько не опасались того, что немцы, или даже весь мир, узнают, что они занимаются шпионажем.

В мирное время дело обстоит иначе. Самое важное—это, чтобы страна не была замешана, информация стоит на втором месте. Что касается агента, то его тайна охраняется, но ему приходится думать о своей безопасности самому. Лозунг их—самоотречение, и это относится даже к офицерам собственной армии, используемым для разведывательных целей. Это может показаться бессердечным, но это не так низко, как кажется, так как разведчик мирного времени обычно работает только ради денег и ему известны все правила игры.

Он попадаетея реже. Ему не приходится преодолевать никаких затруднений по связи—нет ни цензуры, ни электрического провода, ни пограничной стражи¹. Лучше подготовленный, чем разведчик военного времени, он пользуется методами, обеспечивающими почти полную безопасность. Даже в случае провала ему редко грозит более пяти—шести лет тюремного заключения². Хороший разведчик—завсегдатая клубов, всеми любимый, щедрый, всегда готовый поболтать и к тому же внимательный слушатель—никогда не попадаетея. Столь же безопасно положение агента, ожидающего сведений от получающего скромное жалование шифровальщика или какого-либо другого государственного чиновника, готового приработать на отпуск. То же относится и к посреднику, живущему в соседней стране, консулу маленькой страны, которую трудно найти на карте.

¹ Неверно, цензура, или так называемые „черные кабинеты“, существует во всех капиталистических странах. Существует также таможня и пограничная стража (Ред.).

² Почти во всех капиталистических странах меры наказания в последние годы усилены; в некоторых—введена смертная казнь (Ред.).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редакции	3
Предисловие автора	6
Глава I. Начало войны	7
Глава II. Начало разведывательной деятельности	10
Глава III. Структура разведывательной организации	15
Глава IV. Первая разведывательная ячейка	23
Глава V. Наблюдатели за поездами и „фланеры“	29
Глава VI. Сенатор-разведчик	35
Глава VII. Средства и способы связи и фальшивые документы	40
Глава VIII. Четырнадцатилетняя разведчица	50
Глава IX. Дезертиры как источник ценных сведений	54
Глава X. Провал агента-provokatora	61
Глава XI. „Белая дама“	67
Глава XII. Русская интермедия	78
Глава XIII. Борьба между секретными службами в Голландии	82
Глава XIV. Повседневная работа	89
Глава XV. „Датчанин“ — разведчик союзников	94
Глава XVI. Наблюдение за береговой обороной радиоминоносцами	99
Глава XVII. Контрразведка	103
Глава XVIII. Подготовка к ликвидации секретной службы	107
Глава XIX. Работа в паспортном бюро в Германии	115
Глава XX. Секретная служба мирного времени	118

180307

